

Сергей Проскурин

МАИ
Пена юности

Хочу в СССР?

Сергей Проскурин

МАИ. Пена юности

«Деловой двор»

2021

УДК 82-94
ББК 84-9

Проскурин С. П.

МАИ. Пена юности / С. П. Проскурин — «Деловой двор»,
2021 — (Хочу в СССР?)

ISBN 978-5-91550-257-3

Автор новой книги воспоминаний, вошедшей в серию «Хочу в СССР?» - Сергей Проскурин, москвич, выпускник МАИ 1973 года. Это уже его вторая книга в серии, где он рассказывает о своей студенческой жизни, наполненной яркими событиями, любовными приключениями и забавными, и не очень, ситуациями, а также о любимых друзьях и подругах. Герои книги - реальные люди с реальными именами и фамилиями. Время действия - 60-70-е годы прошлого века. В книгу вошли личные фото автора и его друзей. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 82-94
ББК 84-9

ISBN 978-5-91550-257-3

© Проскурин С. П., 2021
© Деловой двор, 2021

Содержание

А поутру...	6
От автора	12
«Вниз по лестнице, ведущей вверх»	13
Школа. Окончание	14
Школьные экзамены	17
Вступительные экзамены	19
Физтех	19
Математика письменно	21
Физика письменно	23
Физика устно	24
Математика устно	25
Собеседование	27
МАИ	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сергей Проскурин

МАИ. Пена юности

*Посвящаю
моим родителям
и сыновьям*

Шуршат шелковистой
 листвой шелестя
В саду моей памяти
 дни промелькнувшие.
И шорох щемящий
 шуршащей листвы
Во мне пробуждает
 картины минувшего.

А поутру...

– И-иде-е я? – замычал мой сосед, накрывшийся с головой одеялом.

Я молчу. Может, ему что снится, зачем зря отвечать.

– И-иде-е я? – повторно замычал сосед.

«Где-где, – в вытрезвителе», – подумал я, но произносить вслух не стал. Все равно он, наверное, ничего не соображает.

– И-иде-е я?!

Однако сосед становится назойливым, но голову из-под одеяла по-прежнему высовывать не хочет.

– В вытрезвителе ты! – наконец резко отвечаю ему я, подчеркивая исключительность сложившейся ситуации.

– Э-эт-то я знаю, – спокойно отвечает сосед из-под одеяла, – в како-ом?

– В пятом, – к этому моменту я уже знаю номер медицинского заведения, в котором я волею судеб оказался.

– Эт-то родной! – довольно отреагировал сосед и повернувшись на другой бок умиротворенно засопел.

Это было мое первое, но, слава богу, и последнее посещение заведения подобного рода. Неисповедимы пути, которые приводят нас в такие места. Но свой путь я знал.

В компании моих студенческих друзей Сашки и Андрюхи мы весело провели зимние студенческие каникулы на турбазе “Верхневолжская” под Калинином (Тверь). Прием нам обеспечил Сашкин дядя, который заведовал этой базой, а также соседним “Домом рыбака”.

Как мы проводили эти каникулы, в подробностях рассказывать не буду, но уж на лыжах точно не ходили. В основном, играли в карты, по вечерам ходили в местный клуб на танцы и другие увеселительные мероприятия. Иногда гуляли по окрестностям в поисках магазина.

Прогулки по лесу тоже были – до магазина в соседнем поселке, куда надо было идти километра два.

Мы с удовольствием проводили время на отдыхе и в результате пропили все деньги, которые у нас были. А ведь думали, что взяли достаточно... Андрюха неожиданно вспомнил, что родители дали ему какую-то сумму на покупку обуви, которую он тому времени купить не успел, но деньги намгодились. Однако сразу договорились, что в Москве мы с Сашкой вернем ему по одной трети – долг чести того требовал.

После возвращения в Москву перед нами неизбежно встал вопрос, где взять деньги. На «долг чести» не будешь просить у родителей, а стипендию никто из нас не получает – не заслужили.

– А давай кровь сдадим! – выпалил Сашка.

Это выход. На том и договорились.

На следующий день хмурым морозным утром мы встретились у дома Андрюхи на набережной Новикова-Прибоя. Там неподалеку был пункт приема крови.

Мы шли и обсуждали наши планы.

– Сейчас сдадим кровь, плотно пообедаем на полученные талоны, и у нас останутся деньги отметить это мероприятие.

Заманчивые перспективы бодрили и утро уже не казалось таким хмурым. Однако все вышло не совсем так, как мы ожидали.

Прежде чем у донора возьмут кровь, он должен пройти предварительный медосмотр. В результате ни Андрюха, ни Сашку к сдаче крови не допустили.

У Андрюхи кровь не стали брать из-за обильного насморка и температуры. Простудился он, когда мы уезжали из турбазы на попутной грузовой машине. Ждать автобуса, который довез бы нас до вокзала в Калинин, не хотелось, и мы решили поймать попутную машину. Месяц был февраль, машин на трассе не так много, как сейчас, да и останавливаться никто не спешил. Наконец, одна все же притормозила – это была бортовая машина ГАЗ-51 без тента, и в кабине – только одно место.

– Ничего, – бодро сказал я, – поедem в кузове. Мне и в голову не пришло, во что я одет и обут, ведь Андрюшка скептически посмотрел на мои легкие осенние туфли, в которых я приехал зимой на турбазу и предложил мне сесть в кабину.

– Иначе в кузове у тебя ноги отвалятся, – серьезно заметил он.

Я не в первый раз удивился, насколько Андрюха взрослее меня и больше приспособлен к жизни. Мне и в голову не пришло подумать о самом себе: пока стояли у дороги, вроде, было не холодно. А он вот увидел и подумал...

Мороз на улице около 15 градусов, а в открытом кузове – еще и с ветерком. Но об этом же никто из нас не думал, а иначе бы дождались следующей машины.

Я послушно полез в теплую кабину, а ребята – в открытый кузов. Так и ехали – я в комфорте и с музыкой, а Андрюха с Сашкой – на промозглom ветру. В результате Андрюшка начал кашлять уже в электричке по дороге в Москву, не помогло даже выпитое перед поездкой согревающее, которым мы запаслись в Калининe у вокзала.

У Сашки кровь тоже не взяли, но не из-за простуды – ее он каким-то чудесным образом избежал, – а по причине переломов обеих бедренных костей, так как с тех пор как он встал на ноги, прошло еще очень мало времени – меньше года.

Находясь в сильно нетрезвом виде, он был сбит самосвалом. Восстанавливали ему ноги полгода в клинике Илизарова в Кургане. Тогда Илизаров еще был жив и сам наблюдал его.

Лечащий врач сказал Сашке, что если бы он не был так пьян, то умер бы от болевого шока. Но я думаю, что если бы он не был пьян, то и не попал бы под самосвал.

Итак, годным для сдачи крови оказался один я.

До этого мне кровь сдавать не приходилось: почему-то на безвозмездную сдачу крови в институте меня не приглашали. Позже я узнал, почему.

При осмотре меня спросили: не болел ли я рядом заболеваний, в том числе гепатитом, или болезнью Боткина. Я ответил «нет», так как тогда еще не знал, что гепатит и желтуха – одно и то же, а желтухой я болел.

Сдав положенный стакан и еще 20 грамм на анализ, я получил заработанные 13 рублей 20 копеек и талон на обед в ближайшей диетической столовой. (Десятку долга я тут же отдал Андрюхе.)

Время подошло к обеду, и мы решили поесть.

Кто же не знает, что при бесплатной сдаче крови, кроме обеда, для восстановления красных кровяных телец дают еще и стакан кагора! Поэтому следуя медицинским рекомендациям мы приобрели в соседнем магазине две бутылки восстановительной жидкости: одну – кагора, для меня, а другую – портвейна “777”. Все это взяли в столовую, где отлично пообедали.

Вышли на улицу, посмотрели на часы: в институт уже поздно. Зачем идти на последнюю пару? Настроение прекрасное, погода замечательная, морозец! Запас красных кровяных телец явно восстановился – слабости никакой. Зачем же переводить деньги на бормотуху? Взяли водки, колбаски, хлеба, и пошли на берег Москвы-реки.

* * *

Впоследствии, неоднократно вспоминая студенческие выпивки, я пытался вспомнить, о чем мы все время говорили. Ведь не молчали же – говорили... Но о чем? Конечно, темы находились, но среди них явно не было тем о погоде и проблемах познания наук, ради чего, казалось бы, мы и поступали в институт...

После первой, наверное, пошла вторая, которую я уже не помню, где пили.

Память дает случайную вспышку, и я вижу себя с Андрюхой, но уже без Сашки, среди рабочих в ремонтируемом магазине. Вокруг козлы, стремянки, краска, кисти. Мы наливаем рабочим. Они предлагают луковичу для закуски.

Еще вспышка. Мы с Андрюхой на улице. Темно. Андрюха зовет к знакомым женщинам. Я упираюсь, но куда-то мы приходим. Сквозь пелену расфокусированного зрения вижу перед собой что-то непотребное и возмущаюсь.

– Не пойду! Они старые и грязные!

– Да, ладно, – говорит Андрюха, – какая тебе сейчас разница?

– Не-е. Я лучше пойду...

Куда я хотел пойти, не помню, но пошел очень быстро, потому что Андрюха, выйдя следом за мной из подъезда, где проходил наш разговор, меня уже не увидел.

Как я узнал утром из протокола, нашли меня в сугробе на одной из Песчаных улиц в невменяемом состоянии, в каком-то и доставили в вытрезвитель № 5.

* * *

Начал я возвращаться в сознание издали и постепенно. То, что мы пили с Андрюхой и Сашкой, я вспомнил. Дальше включился логический аппарат.

«Если мы пили вместе, а сейчас я лежу и, наверное, сплю, то рядом справа спит Сашка, а слева Андрюха. Так? Кажется так! Ну, вот и хорошо!»

Снова проваливаюсь в сон. Неутолимая жажда и сухость во рту побуждают наполовину проснуться, встать и подойти к двери. Почему-то дорогу к ней я уже знаю. Стучу. Дверь открывается. Человек в форме указывает на дверь напротив. Там стоит большой оцинкованный бак с краном и кружкой на цепочке. Выпиваю полную кружку. Немного отпускает. Вхожу в свою дверь. Человек в форме зажигает свет, чтобы я мог найти свою кровать, и снова, погасив свет, закрывает дверь. Через небольшое круглое отверстие в двери пробивается свет тусклой коридорной лампочки.

Ложусь в кровать, а мозг постепенно начинает раскручивать мыслительный процесс.

«Если мы спим рядом, то значит в чьей-то квартире. Наверное, в Андрюхиной, потому что Сашка живет в Немчиновке. Так? Кажется так.

Но когда я шел к кровати, под ногами была кафельная плитка. Почему? Что ж непонятного? Места в квартире мало, и Андрюха положил меня в ванной. Так? Кажется так. Можно еще поспать.»

Постепенно начинают просыпаться и другие обитатели просторной комнаты. Так же, как и я, они идут и стучатся в дверь, а утолив жажду, возвращаются в комнату. И также служивый человек зажигает им свет.

Я уже проснулся и могу осмотреться. Постепенно понимаю, что я не у Андрюхи дома и просторная комната – не его ванна. Даже, кажется, я начинаю догадываться, как называется то заведение, где я в данный момент нахожусь. Но то, что мои друзья рядом, не вызывает у меня сомнения: и слева и справа от меня лежат мужики, укрывшиеся с головой одеялами.

Однако жажда не отпускает, и я снова иду к двери, к которой тянется уже вереница постояльцев, и навстречу такая же. У бачка очередь. Дверь не закрывается и свет в комнате горит постоянно. Напившись воды, возвращаюсь в комнату и вижу идущего навстречу постояльца в совершенно мокрых трусах, прилипших к телу. Прохожу мимо кровати, с которой он встал, – на ней целое озеро. Панцирная сетка продавлена и матрас провис. Поверх матраса на всех кроватях постелена клеенка горчичного цвета, а на ней простыня. Эта-то клеенка и не давала озеру растечься.

– Однако – подумал я и лег, с интересом повернув голову в сторону этой кровати.

Вернувшись в комнату, мужик в мокрых трусах с недоумением уставился на свою кровать.

– Это кто мне нассал? – безадресно обратился он с риторическим вопросом.

Ответа не было. Потом кто-то буркнул:

– Ты же и нассал...

– Но я бы столько не смог... – Его недоумение было вызвано количеством вытекшей из него жидкости. Действительно, было трудно представить, как это все могло в нем поместиться.

Постепенно все обитатели проснулись, кроме моего соседа, о котором я говорил в начале. Я уже видел, что справа от меня был не Сашка, но оставалась надежда, что слева, укрывшись с головой, спит Андрюха. После вопроса о номере вытрезвителя и эта надежда отпала.

В комнате появился капитан милиции. Присев на ближнюю от двери кровать начал задавать вопросы ее обитателю: фамилия, имя, отчество, год рождения, адрес, место работы и т. д.

А вот об этом я и не подумал.

«Сейчас ведь он подойдет ко мне и начнет задавать те же вопросы... А потом сообщит в институт и меня тут же выгонят!» – мгновенно пронеслось в голове.

Перспектива не радовала. Решил притвориться, что сплю – не будет же он меня будить. А значит, ничего и не узнает и не пошлет в институт. Как видно, хмель во мне оставалось еще много и сознание не вполне вернулось.

Я прикрыл голову одеялом и старательно сделал вид, что сплю. И кто бы мог подумать?! Капитан опросил моего соседа справа, обошел меня и начал опрашивать моего соседа слева.

Во мне разлилась волна благодарности. «Надо же, какой хороший человек! Видит, что молодой человек попал сюда случайно. Зачем ему портить жизнь!»

В шесть часов утра, получая свои вещи, я понял, почему капитан меня “пожалел”. Среди них был паспорт (ведь я же кровь сдавал!), студенческий билет и пропуск в институт. О чем еще у меня надо было спрашивать?

Здесь надо сказать, что перед тем как получить назад свои вещи и остаток денег на дорогу (у кого он был), клиент вытрезвителя должен был написать в протоколе объяснение и причину произошедшего.

* * *

Почти любая советская семья в то время выписывала журнал “Крокодил”, где на предпоследней странице была рубрика “Нарочно не придумаешь”. Несмотря на название я, как и многие, был уверен, что ее сочиняют юмористы. Так было до тех пор, пока я уже в милиции через неделю не прочитал, что сам написал в том протоколе. Конечно, помню не дословно, а от своей копии по понятным причинам я избавился тут же, как только получил ее на руки. А написано там было приблизительно следующее.

“Повинуясь высокому долгу отдать свою кровь, я это сделал! Но тут же ощутил острый дефицит красных кровяных телец. Я знал, что их можно восполнить только крепким красным вином типа “Кагор”. Красные кровяные тельца восстанавливались плохо, и приходилось их постоянно компенсировать. Для их закрепления в организме я использовал чистый напиток типа водки. Организм не справился с потерей.”

Прочитав в милиции этот шедевр, я искренне удивился.

– Это что, я написал?!

– А кто же?

– Но ведь почерк не мой.

– У вас у всех почерк чужой, когда вы наутро пишете.

* * *

Прежде чем направиться в милицию я “вымыл шею”, то есть оделся как можно приличнее, чтобы произвести благоприятное впечатление. Темное пальто, костюм, белая рубашка с аккуратно повязанным галстуком. Посмотрев очень внимательно, девушка выписала мне минимальный штраф три рубля и подсказала, где находится ближайшая сберкасса.

– Идите прямо сейчас, – порекомендовала она, – до обеда успеете. И не забудьте квитанцию!

В одно мгновение я сбегал в сберкассу, заплатил штраф и принес квитанцию. Голосом, полным смирения и раскаянья в содеянном, я стал просить не посылать извещение в институт. Девушка – как мне показалось, от возмущения, – даже встала и со всем административным пафосом объявила мне, что обязана это сделать. Я понял, что просить дальше бессмысленно, и вышел из отделения.

Закурив, я стал думать о своей будущей свободной жизни. У меня не было сомнений, что когда в институт придет извещение из милиции, меня тут же отчислят. А Герман Николаевич будет этому только рад. Его предсказание сбудется – он же меня предупреждал.

В это время в отделении начался обед, сотрудники стали выходить на улицу. Вышла и строгая девушка, увидела меня, курящего у входа.

– Ну что же ты меня просишь?! Разве не видишь, что напротив майор сидит? Как еще я могла тебе ответить! Не пошлю я ничего в институт, не переживай.

Окрыленный, я полетел домой.

Да, есть на свете хорошие люди!

Получив в вытрезвителе свои вещи, металлический рубль на дорогу, а также вместо двух рублей, которые у меня были, два билетика, где было написано: “За медицинское обслуживание. 1 рубль”, я всерьез призадумался о своем будущем. У меня были крайне не простые отношения с заместителем декана, о чем я позже расскажу, поэтому я не без оснований полагал, что как только к нему придет бумага из вытрезвителя, он тут же поставит вопрос о моем исключении из института.

В вытрезвителе на «ресепшене», как сказали бы сейчас, сидели двое офицеров милиции, которые и давали мне подписать протокол. Упавшим голосом я поинтересовался:

– Вы теперь пошлете протокол в институт?

– Если вовремя не оплатишь, пошлем.

– А когда надо заплатить?

– В течение двух недель.

– Значит, если я заплачу, то не пошлете?

– Да мы вообще не посылаем. Это милиция... Мы отсылаем протокол им, они тебе выпишут штраф.

– А большой?

– Разный. От 3 до 25 рублей, в зависимости от того, что ты натворил. И они же посылают извещение на работу. Так что ТАМ проси, чтобы не послали. Лови свой протокол – он будет у них через неделю.

Несколько ободренный я поехал домой.

Меру своего свинства перед родными я понял, когда приехал домой.

Оказывается, на следующий после моего загула день отец уезжал в командировку, о чем я не мог знать, так как она была внезапной. А у нас в семье накануне его отъездов обычно устраивался праздничный ужин.

Я позвонил домой только утром, от метро.

Когда я пришел, ужин с шампанским и тортом стоял на столе нетронутый, и спать никто не ложился...

Пришлось сказать, что после сдачи крови почувствовал себя плохо и заночевал в общезжитии.

Маме об этом эпизоде я рассказал правду только через сорок лет, а папа о нем так и не узнал.

От автора

В раннем детстве ребенок познает мир вокруг себя и самого себя в окружающем мире. Для него все удивительно, потому что ново. Память фиксирует результаты его познания, но ошибки этого процесса не сохраняются. И потому детство для всех остается в памяти ярким и волшебным, каким бы оно ни было на самом деле. Таким я и описал свои детство и отрочество в первой книге «Отрок».

Юность же молодого человека – это уже не «школьные годы чудесные, с дружбою, с книгою, с песнею»... В юности открыты все дороги, его манят все соблазны – ума, души и тела, хотя, скорее, в обратной последовательности. И в это время память сохраняет наиболее яркие отклонения от гладкого и позитивного пути развития. Естественно, у тех, у кого такие отклонения были. У меня они были, и в немалом количестве.

Я и сейчас не понимаю, почему в юности мне интереснее было исследовать боковые ответвления позитивного развития, чем манящие своими перспективами проторенные многими пути. Буду стремиться описывать сами события, без рассуждений о причинах такого их развития, то есть так, как я их запомнил. Или в том виде, в каком я их вообразил и потом запомнил.

По прошествии многих лет трудно отделить реальные события от эвентуальных, то есть возможных и воображаемых, но сохранившихся в памяти так, как будто они происходили на самом деле. Мне дороги и те и другие, ведь это мои воспоминания, а значит, частица меня.

«Вниз по лестнице, ведущей вверх»

Школа. Окончание

Шел 10-й класс, школа подходила к концу. Перед каждым вставал вопрос, куда поступать. Дело в том, что наш класс был не совсем обычным: учеников в него отбирали по конкурсу, и считался он «классом программистов», поэтому всех нас готовили к поступлению в институты.

Наш любимый математик Борис Иванович Гуськов настраивал нас поступать в серьезные институты: МГУ, МФТИ (Физтех), МИФИ. Для этого, по его личной программе, весь курс школьной математики мы должны были пройти в 9-м классе и даже заглянуть в первый семестр институтской математики. И все это для того, чтобы 10-й класс уже полностью посвятить решению задач из экзаменационных сборников для вступительных экзаменов в эти самые институты. Попутно, на фоне решаемых задач, нам предстояло также осваивать наиболее сложные понятия математики.

План замечательный, и нас он вполне устраивал. Но сбыться ему, к сожалению, было не суждено. Бориса Ивановича выгнали из школы из-за жалобы завуча (о чем я писал в предыдущей своей книге), а пришедшая ему на смену математичка, имени которой я даже не запомнил, учила нас по методичке Минпроса СССР. Весь десятый класс мы тупо повторяли учебник Кочетковых, который прошли от корки до корки еще в девятом.

И здесь наши шансы на поступление в желаемые институты обвалились.

* * *

Дома над моим столом была приклеена вырезка из какой-то газеты “Для поступающих в Московский физико-технический институт” с адресом и перечнем факультетов. Сидя за столом я периодически смотрел на нее и раздумывал, на какой факультет буду поступать. К какому-то решению я так и не пришел, но адрес запомнил.

Об этом институте мне рассказывал вожатый из пионерского лагеря, которого я случайно встретил в трамвае. Он сам окончил этот институт и охотно рассказал мне о нем, объяснил перспективы обучения и какие это дает преимущества.

Я уже представлял себе, как буду там учиться и жить в общежитии, потому что на первых курсах все студенты живут в общежитии, буду активно участвовать в студенческой жизни и упорно заниматься. Но после ухода из школы Бориса Ивановича я понял, что с этой мечтой надо расстаться и выбирать что-нибудь попроще. Благо, институтов в Москве много, есть из чего выбрать.

Как и я, все мои друзья выбирали какой-нибудь институт: Сашка – МАМИ (Московский автомеханический институт), Мишка и Борька – МАДИ (Московский авто-дорожный институт), Виталий – МЭИ (Московский энергетический институт). Олег выбрал МИИТ (Московский институт инженеров транспорта).

Я же вспомнил о маминой мечте: она хотела, чтобы я был связан с авиацией. Тем более, что после восьмого класса я собирался поступать в авиационный техникум.

Что ж, МАИ – тоже неплохой институт. Правда, уже того настроя на участие в полноценной студенческой жизни и углубленное изучение наук у меня не было.

Что такое авиация, я представлял весьма смутно – даже ни разу не летал на самолете пассажиром. Романтика пилотирования самолетов и космических путешествий осталась в ушедшем отрочестве, вместе с книгами о самолетах и авиаконструкторах.

К этому времени я уже неплохо представлял свои способности и не заблуждался на этот счет. То, что у меня нет склонности к конструированию, я понял еще в детстве, когда мне подарили большой и дорогой конструктор в деревянном ящике, из которого я собрал пару самых

простых моделей по инструкции из прилагавшегося альбома, после чего полностью потерял к нему интерес.

Рисовать я не умел и не хотел, чертить тоже. А какой же конструктор без черчения?

Значит, размышлял я, факультеты «Летательные аппараты» и «Двигатели летательных аппаратов» для меня отпадают. Что же еще делают в авиации? Есть факультет радистов, но к радио у меня тоже нет склонности, хотя простейший детекторный приемник на одном диоде я в шестом классе собрал и даже некоторое время в наушник его слушал. Не проняло.

Экономический факультет я вообще не рассматривал – это для девчонок. Да и что такое экономика, я не только не понимал, но даже, как говорят, «вообразить себе не мог».

Еще в институте есть факультет «Системы автоматического управления летательных аппаратов». Я не понимал, что это такое, но догадывался, что это явно не относится к тому, что я не хочу. «Значит, пойду туда, – решил я, – если, конечно, примут».

Но после поступления я больше всего не хотел остаться в институте один, без друзей. Мои приятели по лагерю Женька Шилов и Димка Овсянников жили рядом с МАИ, поэтому у них не было сомнений, в какой институт поступать. К тому же Димкин отец заведовал кафедрой в МАИ, а Женькин – был крупным чиновником в Министерстве высшего и среднего специального образования СССР и жил в одном подъезде с его министром, Елютиным Вячеславом Петровичем. Я был уверен, что они поступят, а значит, если я поступлю, мне не будет скучно.

О какой только ерунде я тогда не думал ...

Кстати, приятели также подтвердили мой выбор, сказав, что надо поступать на факультет № 3 «Системы автоматического управления ЛА». Их аргументация была для меня вполне убедительной: во-первых, не надо чертить, во-вторых, количество девчонок такое же, как и мальчишек. А на 1-м, 2-м и 4-м факультетах их почти нет, а те что есть – наверняка зубрилки.

Студенческую жизнь, в которой бы не было девчонок, я представить не мог. Итак, решение принято – МАИ. Экзамены в августе.

* * *

В то время, а это был 1967 год, в Советском Союзе не было ЕГЭ, зато была разумная организация вступительных экзаменов. В наиболее сильных и популярных вузах экзамены проводились в июле, чтобы те, кому не удалось в них поступить, могли попробовать свои силы в других вузах.

Опыт мой и моих знакомых показал, что, те, кто не поступил в июле, все поступили в другие институты в августе.

Где-то в глубине подсознания мечта все же жила. Если уж и не ставить для себя цели поступить в Физтех, то хотя бы попробовать и посмотреть, как туда поступают... Экзамены в июле. Действительно, почему бы не попробовать? Хотя бы потренироваться, без всякой надежды на поступление. Я подумал, пусть будет хоть какое-то развлечение – схожу на экзамены, перепишу задачи, посмотрю обстановку, а дома эти задачи порешаю.

К середине 10-го класса у меня почти полностью исчез интерес к учебе. Точные предметы давались легко, а остальные были малоинтересны, тем более что в то время средний балл аттестата при поступлении в институт во внимание не принимался. Оценки интересовали только тех, кто претендовал на серебряную или золотую медаль, что, разумеется, мне не грозило.

Не будучи комсомольцем, я не был вовлечен в комсомольскую жизнь школы, и лишь изредка, из-за Женьки оставшись на комсомольском собрании, переругивался с Бэллкой Боровской, которая выгоняла меня с этих собраний.

В комсомол я все же вступил в самом конце 10-го класса. Наша учительница истории и обществоведения Майя Григорьевна Дубровина, благодарность к которой я сохранил навсегда, отвела меня в сторону после урока и объяснила, что будет очень глупо, если меня не примут

в институт из-за того, что я не состою в этой организации. Сказано это было очень спокойно, по-дружески и безо всякого пафоса. Видно было, что и у нее эта организация не вызывает большого уважения, несмотря на то, что она была членом партии. Я же считал эту организацию и ее лидеров лицемерными и фарисейскими и выносил с трудом, хотя понимал, что люди есть люди и среди комсомольских активистов есть немало умных и порядочных.

Но впоследствии неоднократно убеждался, что порядочных отсеивает иерархический фильтр, а всплывают всегда иные, причем иногда умные.

Так или иначе, но все мы думали о поступлении в институт, тем более что наш год в определенном смысле был особенным. Годом раньше, в 1966-м, из-за реформы образования десятиклассники окончили школу вместе с одиннадцатиклассниками, то есть был двойной выпуск, а значит, вдвое больше, чем обычно, и абитуриентов. Конкурсы во все институты тоже возросли вдвое. Естественно, не поступившие в том году составили конкуренцию нам.

Однако это не очень пугало. У нас были более свежие знания, к тому же целенаправленно готовиться к поступлению целый год способны немногие.

Наконец прозвенел последний звонок и начались экзамены.

Школьные экзамены

Совсем не помню, как проходили экзамены по точным дисциплинам. Думаю, что так же, как и на уроках, получал по ним отличные отметки и тут же забывал. Другое дело – экзамен по английскому языку. До сих пор помню его во всех подробностях.

На уроках английского языка наша компания – мы с Женькой, Паша с Романом и Ирка с Валентиной – отдыхала. Учительница не предъявляла к нам каких-либо требований – «хотите – учитесь, не хотите – не надо», – поэтому не возражала, чтобы мы располагались за последними партами и развлекали себя анекдотами и посторонними беседами. Лишь бы не мешали учиться остальным!

На уроках иностранного языка класс делился пополам – “англичане” и “немцы”. Немцы занимали другой класс, поэтому между нашей компанией и прилежными учениками было два ряда свободных парт. И нас и учителя это устраивало.

Несколько слов о нашей компании. Женька пришел в 9-й класс из английской спецшколы и наши уроки английского ему были просто скучны. Ирка собиралась поступать в МГИМО и потому занималась с серьезным преподавателем. Паша ходил на подготовительные курсы, где также занимался языком. А я просто валял дурака, считая, что язык мне не нужен, в результате чего на экзамен вышел с абсолютным отсутствием языковых знаний.

О том, что на экзамене будут какие-то *topics*, я узнал от Женьки за два дня до экзамена. Ни запаса слов, ни знания правил построения предложений в английской речи у меня не было. На что я рассчитывал?

* * *

Экзамен. Все в классе. Слева за столом – комиссия из трех преподавателей. Каждому ученику дают какое-то задание на разбор предложения. Женька быстро делает мое и свое. Потом каждый ученик выходит к доске и начинает рассказывать тот *topic*, который ему достался в билете. Мне достался *SHOPING*.

Я не испугался, не покраснел, мне даже не было стыдно. Потому что я не знал НИ-ЧЕ-ГО! Я даже не знал, как произносится и переводится название темы.

Я стою перед классом. Справа за столом два преподавателя из комиссии с сочувствием смотрят на меня, а за моей спиной стоит моя маленькая учительница английского. Она тихо, по одному слову диктует мне мой рассказ по этой теме, а я, как попугай, за ней повторяю, а иногда, чуть обернувшись, даже переспрашиваю. И все это – на глазах сидящих в классе учеников и двоих преподавателей. Когда тема исчерпывается, все радостно и с облегчением вздыхают и комиссия разрешает мне покинуть класс.

Так в моем аттестате появилась тройка по английскому языку.

В результате экзаменов в моем выпускном документе сложилась гармоничная картина: пять пятерок, пять четверок и пять троек. Всего по пять.

* * *

Завершилась школа, как и полагается, школьным балом. С торжественными прочувствованными речами, с какой-то самодеятельностью, которая не задержалась в памяти, с накрытыми столами с шампанским, которое организаторы сообразили заранее положить в морозильник, чтобы охладить... да там и забыли!

Когда же его выставили на столы, внутри каждой бутылки была аккуратная льдина, заполняющая весь объем. И мы долго облизывались, ожидая, когда она хоть чуть-чуть растает, чтобы накапать нам в стаканы. Зато его хватило до конца застолья.

Мы с друзьями были предусмотрительны и не полагались только на школьное шампанское, а потому “у нас с собой было”. Однако до этого на школьном застолье очередь не дошла: очень уж хотелось сначала допить шампанское.

Ночью, после застолья и танцев, нас посадили на троллейбусы и привезли к причалу речных трамваев у Киевского вокзала. На этом речном трамвайчике нам как раз и пригодилось то что «у нас было».

Для нас сделали остановку в Лужниках на крутом берегу. В романтическом и возвышенном настроении мы побродили по склону, который тогда еще не был “окультурен”. Посмотрели с него на утреннюю Москву, на ее высотки и блестящие под лучами утреннего восходящего солнца купола Новодевичьего монастыря, на стадион и метро-мост, которые были недавно построены и служили символами счастливого будущего, о котором совсем не хотелось загадывать. Зачем? Школа окончена и впереди все будет прекрасно!

Вернулись к причалу. Троллейбусы довезли нас до ВДНХ. Уже совсем рассвело. Москва начинала просыпаться. Специально для нас, выпускников, открыли вход на ВДНХ, где уже гуляли такие же, как мы, счастливые и немного пьяные – не столько от шампанского, сколько от радости окончания школы – выпускники.

Школа закончилась.

Помню, что все мы сдавали деньги на традиционные выпускные школьные фотографии с учителями. Но кого из одноклассников я только не спрашивал, ни у кого этих фотографий нет. А жаль!

Здесь должна была быть фотография нашего 10 “А” 298-й школы г. Москвы.

Вступительные экзамены

Физтех

Вот и подошли вступительные экзамены.

С аттестатом, паспортом и какой-то справкой на руках я вошел в электричку на платформе “Окружная” Савеловской железной дороги. И вышел из нее на платформе “Новодачная”, направляясь в приемную комиссию Московского физико-технического института.

Во всех справочниках было указано, что институт находится в поселке Долгопрудном, но идти до него ближе было с платформы “Новодачная”.

На этой платформе электричка опустела наполовину: все молодые люди, с утра заполнившие электропоезд, стремились поступить в этот институт. Хотя, возможно, кто-то, как и я, собирался не поступать, а только попробовать, посмотреть, как сдаются экзамены. У всех настроение приподнятое.

Погода солнечная, школа позади, впереди в любом случае светлое будущее и любопытное предстоящее испытание. Как не радоваться!

По пути рядом со мной спешит симпатичная белокурая девушка. Я заметил ее еще в электричке, а сейчас мы идем рядом, и вполне естественно было поинтересоваться, куда она направляется.

Оказалось – вот удивительно! – туда же.

Девушка живо откликается на мое лукавое удивление, что нам по пути. Я заметил, что ей было приятно не столько проявленное мною внимание, но в большей степени возможность рассказать мне об этом институте.

Она охотно сообщила, что подает документы уже в третий раз. В первый раз она набрала только двенадцать баллов из двадцати, в прошлом году – уже тринадцать, и в этом году очень надеется поступить.

Сама она из Фрязино. Это поселок под Москвой, где находится очень серьезное предприятие, на котором работают ее родители. Они ей много рассказывали о Физтехе, поэтому она мечтает окончить этот вуз и работать там же.

«Вот счастливая, – подумал я. – Она знает что хочет, и главное, имеет возможность добиться этого. Ей же в армию не идти».

– А Вы на какой факультет хотите поступать? – спрашивает она меня.

«Какая мне разница, на какой! Я же не поступать собираюсь, а только порепетировать» – подумал я, но вслух этого не сказал. Решил, что она огорчится, если я так отвечу. Я же вижу, как горят у нее глаза, как она одержима своим желанием здесь учиться. Будь рядом с ней Квазимодо, а не я, такой молодой и симпатичный, она и ему рассказывала бы об институте с такими же сияющими глазами.

– Я еще не выбрал, на какой, – скромно ответил я.

– Поступайте на факультет физической и квантовой электроники. Это сейчас самое перспективное направление. Мне рассказывали, что за электроникой будущее. Я туда поступаю, – сказала девушка и стала увлеченно мне говорить что-то про лазеры, мазеры и транзисторы с оптронами, о которых я не только ничего не знал, но и слов таких не слышал.

А девушка была очень милая – белокурая, открытая и приветливая. «Жаль, что мне не придется с ней учиться», – подумал я и отогнал мысли о возможном дальнейшем знакомстве.

Документы я подал на факультет, который посоветовала моя попутчица, – к сожалению, имени ее я не запомнил.

Экзамены проходили в три потока: с 1 по 9, с 10 по 19 и с 20 по 29 июля. Я попал в первый.

Впоследствии я неоднократно вспоминал и рассказывал о необыкновенно разумной физтеховской системе вступительных экзаменов.

Мне сразу понравилось, что экзамены шли через день. 1-го июля – математика письменно, 3-го – физика письменно, 5-го – физика устно, 7-го – математика устно и 9-го – сочинение. Кстати, оценка за сочинение в расчет приемных баллов не принималась: достаточно было написать пару страничек не на двойку.

Я считал, что раз мы только что сдали экзамены в школе, подготовка не нужна – что в голове есть, то и буду показывать. К тому же я и мысли не допускал, что способен поступить в этот институт. Мне только так, потренироваться...

Математика письменно

Первого июля начался первый вступительный экзамен – «математика письменно».

Весь наш поток запустили в большой зал. Каждый при входе взял билет со своим заданием и несколько листов проштемпелеванной бумаги. (На своих листах писать было нельзя.)

Нам объявили, что на письменную работу отпускается пять(!) часов. Я даже присвистнул. Что же я буду делать пять часов? Чтобы переписать задание мне хватит и пятнадцати минут. Ну ладно, решил я. Посижу, пока кто-нибудь не будет выходить, а тогда и я выйду. Первым выходить не хотелось.

Я быстро переписал все пять задач, аккуратно сложил листок и убрал в карман. Что же теперь делать?

Мой стол стоял прямо перед окном, за которым шумели высокие зеленые деревья. На их молодой блестящей листве при легком ветре играли солнечные блики, и отраженные зайчики плясали по тихому залу, где пара сотен абитуриентов сосредоточенно погрузились в решение мудреных математических задач... И только один бездельник мог наблюдать красоту солнечного летнего утра.

Проходит около часа, но зал, похоже, никто покидать не собирается. Сидеть «просто так» становится скучно.

«А что я сижу, если дома все равно собираюсь эти задачи решать? – пришла в голову оригинальная мысль. – Начну хотя бы, а дома дорешаю, что не успею.»

«Так... Что у нас в первой задаче? Надо решить какое-то уравнение. Ну, это ерунда!»

Я быстро записываю решение и удовлетворенно откидываюсь на спинку стула. «Ну вот, одну задачу решил! Уже не “сухим” с экзамена выйду».

Снова погружаюсь в созерцание красоты летнего утра за окном. Оглядываюсь на зал – никто выходить не собирается. «Ну, что ж, посмотрим, что у нас во второй задачке»...

Задача оказалась такая же простая, как и первая. Записал и ее решение. «Жалко, что такой простой вариант попался. Не на чем будет потренироваться дома».

Снова оглядел зал. Никакого движения! Посмотрел на третью задачу. Да, такая же простая! Решил – записал.

«Нет, мне явно не повезло. Думал, дома придется голову поломать, а тут получается, что и домой нечего нести».

Четвертой была задача типа «из пункта А в пункт Б». Ну, эти-то задачи у меня вообще никогда затруднений не вызывали. Я быстро составил четыре уравнения с четырьмя неизвестными. Правда, неизвестные в уравнениях присутствовали во второй степени в знаменателе. Подумал, что когда их буду раскрывать и приводить, то вылезут восьмые степени... А я не любил расписывать длинные решения, когда и так все ясно, тем более что поступать, напомним, я не собирался. Что же даром «пером водить»? И не стал завершать решение.

Пятой была задача из стереометрии с усеченной пирамидой. Я еще на уроках Бориса Ивановича полюбил такие задачи. Всякие пирамиды, призмы, сферы, конусы с любыми усечениями были у меня в представлении объемными и почти реальными. Мысленно я проникал в них, ходил по их углам и закоулкам, устанавливал равенства сторон и углов, дотягивался до вершин и падал с их высот. Решение этих задач доставляло мне удовольствие.

Однако здесь решать эту задачу у меня не было никакого желания. Чего зря трудиться? Скорее, для самого себя я сделал все необходимые построения, после чего решение задачи уже было делом техники, и поставил точку. Все! На этом экзамен для меня закончен!

Я решил три задачи и обозначил пути решения еще двух. Дальше их решение уже не составляло никакого труда. Куда же больше! Это же ФИЗТЕХ! Здесь и одну задачу решить было бы предметом гордости...

Прошло еще полтора часа, но из зала так никто не вышел. Хотя теперь я и имел на это полное право, но не хотелось первым покидать экзамен. Ведь контролеры могут решить, что я струсил, еще начнут уговаривать продолжить экзамен. А мне это зачем?

От нечего делать я решил написать что-нибудь ироничное тому, кто будет проверять мою работу. Я представил себе этого преподавателя, уставшего от проверок огромной кипы экзаменационных работ. Перед ним – сотни листов с правильными, неправильными и просто нелепыми решениями, которые его страшно раздражают, и он щедро рассыпает по ним двойки.

Выданные мне листочки закончились – ведь один из них с переписанными зачем-то задачами я спрятал в карман, – поэтому пришлось попросить еще парочку. Настроение было отличное: я и план перевыполнил и даже вечер от решения задач себе освободил.

Воспроизвожу это письмо почти дословно.

Послание экзаменатору

Уважаемый экзаменатор!

Ты держишь в руках листы абитуриента, исписанные торопливыми буквами и цифрами. Ты устал, тебе надо проверить еще сотни таких работ. Ты думаешь: «Что за беспотолочи их писали? Где они учились? Почему не знают самых элементарных вещей? Как я буду дальше их учить? Нет, нет и нет. Таким не место в нашем институте». И с размаху, нисколько не сомневаясь, оцениваешь очередной труд двойкой.

Ты прав, но прав лишь формально. Вспомни, что и у физиков должна быть душа. Бездушный физик, “аки волк и вепрь рыщет по свету” и несет только горе и разрушение. Вспомни Хиросиму!

Но у тебя же есть душа! Ты представь, как волнуется и переживает абитуриент, когда решает на экзамене эти в общем-то не сложные задачки. Он знает, как их решать, но от волнения в его голову лезут парадоксальные мысли и решения становятся нелепыми.

Не суди его строго. Найди в его решениях то, что не проявлено на бумаге, но присутствует в его светлой и молодой голове.

Душевного спокойствия тебе и успехов в твоём нелегком труде!

Я с удовольствием перечитал свой опус, представил, как посмеется экзаменатор и, может, кому-то чуть-чуть поднимет оценку. Аккуратной стопкой я сложил все свои листки, включая “Послание”, сдал их на выходе контролерам и с чувством полного удовлетворения не спеша пошел, покуривая, к платформе “Новодачная”.

Я не мог и представить, что эту мою письменную работу экзаменатор будет разбирать при мне на устном экзамене!

«Пока все хорошо», – думал я, возвращаясь домой. Неожиданно в голову пришла нелепая мысль: «А ведь я легко мог решить все задачи. Почему я этого не сделал?» Но тут же сам себе ответил: «Да потому что ты не собирался поступать, а хотел только попробовать». Однако внутренний голос не унимался:

«Но попробовать хотя бы в полной мере можно было, если уж получалось?!»

«Да ну тебя!», – отмахнулся я и больше об этом не думал.

Физика письменно

Через день была «физика письменно». Перед входом в тот же зал, где была математика, я встретил «Пашу» (Виталия Хомякова) из нашей школьной компании. Я не знал, что он тоже поступает в Физтех, и на экзамене по математике я его не видел. Позже я узнал, что Паша очень хотел поступить на Физтех и даже посещал подготовительные курсы при Физфаке МГУ.

Но в школе мы об этом не говорили. Мы вообще не обсуждали, кто куда хочет поступать – как-то не до того было.

Получив свои задания, мы сели рядом, но на протяжении всего экзамена не обмолвились ни словом.

Я же, в отличие от Паши, пришел «просто так», поэтому, с моей стороны, мешать ему было бы непорядочно. А Паше, очевидно, мои подсказки были не нужны – он серьезно готовился к поступлению.

Первая же задача вызвала у меня затруднения, – но не в части физики. В задаче шла речь о “диссоциации ионов”. Конечно, из школьного курса химии, я должен был знать, что это такое, но с химией у меня как-то «не сложилось» – в немалой степени из-за взаимной недружбы с учительницей. В общем, как диссоциируют ионы, я не знал. (Впрочем, я и сейчас этого не знаю.)

Однако задачу надо было как-то решать и механизм диссоциации пришлось выдумать. Исходя из него, как ни странно, я все решил. Забавно? Ну и что? Ведь мне не поступать!

Остальные четыре задачи проблем не вызвали.

На этот раз я уже не «высиживал»: безо всяких “посланий” я сдал свои листы и с удовольствием вышел на улицу. Погода – солнечная, настроение – хорошее! Дождался Пашу, и мы вместе поехали домой.

Физика устно

Следующий экзамен – «физика устно».

Общий поток разбивается на небольшие группы (по-моему, по двадцать человек) и распределяется по малым аудиториям. Мы с Пашей в разных группах.

В аудиторию запускают сразу пять человек. На доске – общее задание из трех тем, где предлагается выбрать любую. Все темы – одинаково легкие.

Я выбрал “Закон Архимеда”: подготовил ответ и стал наблюдать, как проходит экзамен. Передо мной экзаменатор беседовал с юношей, который, как я понял, был не согласен с оценкой преподавателя. Абитуриент был настойчив в своем требовании оценить его знания более высоко и обвинял экзаменатора в предвзятом к нему отношении, чем очень того возбуждал.

– Идите и пишите жалобу в приемную комиссию, но не мешайте мне принимать экзамен, – уже на повышенных тонах потребовал экзаменатор, но поступающий юноша не успокаивался и продолжал настаивать на своем.

Наконец преподавателю это, видимо, надоело, он отвернулся и пригласил следующего.

Им оказался я. Разгоряченный предыдущим конфликтом и покрасневший, достаточно молодой экзаменатор даже не взглянул на подготовленный мною ответ по Закону Архимеда, а сразу начал диктовать мне условия задачи.

Задача очень простая – на кинематику, чем я был несколько обескуражен. Не может быть, чтобы в Физико-техническом институте на экзамене по физике давали такие простые задачи! Видимо, надо искать подвох.

Но как ни старался, подвох я найти не смог.

«Да черт с ним, ведь мне не поступать, – привычно подумал я, и только начал писать ответ, как преподаватель вырвал у меня листок и написал условие следующей задачи. Тут я уже не заморачивался с поиском подвоха и сразу выдал ответ.

Еще одна задача – ответ, следующая – ответ. И так раз пятнадцать. Наконец он понемногу успокаивается, берет мою письменную работу, перелистывает. Я вижу, что на первой задаче стоит “+/-” а на остальных “+”.

– Все задачи решены правильно, но только первую я не понял, как Вы решали, – говорит экзаменатор.

Мне не хотелось рассказывать, что я не знаю химии. Да и зачем, если мне не поступать? И я сказал, что задачу решил неверно.

Экзаменатор недоуменно пожал плечами – все-таки решение правильное – но попытаться не стал.

– Тогда за письменную работу – оценка «четыре», – говорит он, – и «четыре» – за устный экзамен.

– Почему? – здесь уже удивляюсь я по поводу устного экзамена.

– Над первой задачкой вы задумались.

– Но я же ее решил! – недовольно возражаю я.

Кровь снова бьет преподавателю в голову.

– Если вы тоже не согласны, как предыдущий абитуриент, пишите жалобу в приемную комиссию!

Мне становится его жалко:

– Что вы, я согласен! Вы только успокойтесь – у вас еще так много работы, – и я показал на ожидающих своей участи абитуриентов.

Экзаменатор оторопел. А я пожелал ему всего доброго и довольный покинул аудиторию.

Все-таки хорошо, когда ты сдаешь экзамены «просто так», не имея перед собой цели во что бы то ни стало преодолеть этот входной барьер.

Математика устно

Через день я пришел на устный экзамен по математике. Теперь я уже знал, как он будет проходить, и мне было немного неловко за мое “послание”.

Я живо представил, как солидный преподаватель будет смотреть на мое “послание” и строго спрашивать: «А какое это имеет отношение к экзамену по математике?»

«Ничего, – успокаивал я себя, – должен же он понять. Я слышал, на физтехе юмор ценится».

Как и на предыдущем экзамене по физике половину нашей группы запустили в небольшую аудиторию, рассадили за столы и каждому выдали билет с заданием. На столе у экзаменаторов слева лежала стопка письменных работ и наши экзаменационные листки. Преподавателей было двое: один в годах («наверное, школьный преподаватель, которого привлекли на время экзаменов», – подумал я; мне почему-то казалось, что все преподаватели на Физтехе должны быть молодыми), другой достаточно молодой, кавказского вида, с жесткими черными усами.

Пока мы готовились, “пожилой” сел за стол и стал перебирать письменные работы, прикрепляя к ним экзаменационные листки с фотографиями. Где-то к середине стопки я догадался, что он дошел до моей работы. Быстро ее пролистав и, видимо, добравшись до “послания” он углубился в чтение. Я внимательно наблюдал за его реакцией в надежде увидеть хотя бы тень улыбки... Но зря: он ни разу не улыбнулся.

Дочитав до конца он подозвал “молодого” и протянул ему листок с моим творчеством. У того реакция была иной: после каждой фразы он закидывал голову и тихо, но от души, смеялся. Потом спросил у “пожилого”, чья это работа. Я тут же уткнулся в свои листки, но успел заметить, что “пожилой”, поискав глазами, показал на меня. Теперь я знал, к кому пойду отвечать.

За столом передо мной сидел тот самый абитуриент, который скандалил с экзаменатором на устной физике. “Пожилой” подсел к нему, чтобы принять экзамен, и после нескольких заданных вопросов сообщил, что может оценить его ответ только на “удовлетворительно”. Это вызвало у поступающего юноши точно такую же реакцию, как и на физике: он стал обвинять “пожилого” в предвзятом к нему отношении и умышленном принижении его знаний. Их перепалка длилась довольно долго. Здесь, к моему удивлению, молодой человек не был сразу отправлен в приемную комиссию для написания жалобы, а ему терпеливо объясняли, сколько и каких ошибок он допустил в своем ответе. Разговор тем не менее шел на повышенных тонах.

В это время мимо моего стола проходил “молодой”, и я сказал ему, что готов отвечать. “Молодой”, опознав меня, улыбнулся и сообщил, что сейчас примет экзамен у другого абитуриента и тогда подойдет ко мне. Я довольно откинулся на стуле и стал ждать. Все складывалось удачно.

Но не тут-то было. Ко мне, выпроводив наконец скандального абитуриента, неожиданно подошел “пожилой”. Я даже попытался сказать, что жду “молодого”, но это его не убедило.

– Показывайте вашу работу! – потребовал он, присев рядом со мной.

Я показал. Третья задача была на неравенства. Надо сказать, что эту тему Борис Иванович с нами только обозначил, сказав, что тема сложная и мы обязательно повторим ее в 10-м классе. Но в 10-м его с нами уже не было...

В итоге я услышал, что ответ у меня неполный и потому оценка “удовлетворительно”. За письменную работу – тоже, так как решены только три задачи. Мои попытки указать на правильные уравнения в четвертой задаче и необходимые построения в пятой – его не убедили и вызвали еще большее раздражение. Думаю, моя шутка с «посланием» ему очень не понравилась и, видимо, даже разозлила.

Как и экзаменатору по физике, я посоветовал ему не волноваться и вышел из аудитории.

Сочинение я написал, как и все, – быстро, на двух листочках, не заморачиваясь и не волнуясь. Ведь оценка за него никого не интересовала.

Итак. Имея на руках две четверки по физике и две тройки по математике, то есть в сумме 14 баллов, я мог закончить свои вступительные испытания. Итог был ясен. Однако любопытно же пройти все до конца!

Вспоминая все пройденные мною экзамены, я только теперь осознал собственную глупость. Почему я решил, что мне не дано поступить в этот институт? На каком основании? Физику я всегда любил, понимал и неплохо знал. С математикой у меня тоже проблем не было – даже Борис Иванович хвалил. Чего я испугался? И тут я вспомнил, что по плану Бориса Ивановича мы должны были весь 10-й класс решать вступительные задачи. А коли этого не случилось, я и решил, что нет у меня тех знаний, которые непременно потребуются при поступлении в этот самый сильный вуз. Значит, нечего и пытаться.

Но ведь я практически сделал всю работу по математике! И если бы еще не поленился записать решения всех задач, то была бы отличная оценка. Тогда и на устном экзамене отношение ко мне было бы другое. В конце концов, из четырех решений неравенства не указать одно – не самая серьезная ошибка, которая вполне могла бы быть списана на волнение.

Такая же ситуация по физике. Ведь первую задачу я решил! Если бы я честно признался, что не знаю химии, и рассказал, что придумал механизм диссоциации ионов сам, возможно, это даже повысило бы мою оценку и позволило экзаменатору не обратить внимания на мою задумчивость над первой задачей.

И тут я все понял. Не поступил я только из-за неправильно поставленной цели – “не поступить, а попробовать”. Хотя мог бы, и даже без особого напряжения.

Однако была еще одна возможность исправить ситуацию. Из бесед с бывальыми абитуриентами Физтеха я знал, что экзамены – это еще не всё. Главное при поступлении в Физтех – это собеседование.

Собеседование

По окончании экзаменов абитуриенты, сдавшие все без двоек, проходили собеседование на комиссии. В нее входили преподаватели, принимавшие у нас экзамены, и руководство факультета. Они знакомились с каждым абитуриентом лично.

Здесь можно было высказать все претензии по приему экзаменов, объяснить свои неудачи и выразить, наконец, несогласие с полученными оценками. Если все оценки отличные, то можно высказать свои предпочтения в дальнейшем к теоретической или экспериментальной работе.

Фактически собеседование и является главным вступительным экзаменом. Мне рассказывали, что были случаи, когда абитуриент, получивший на всех экзаменах тройки, был зачислен в вуз только по результатам собеседования.

Пока я ожидал своей очереди в коридоре в голове крутилась одна и та же мысль, но я так и не пришел к решению, хочу я здесь учиться или нет.

Я уже знал, что если скажу, что не согласен с оценками, комиссия тут же предложит мне переэкзаменовку. Я даже видел, как пятеро ребят, сидевших в уголке аудитории, готовились к повторным экзаменам. Но не знал одного – хочу ли этого я.

И вот моя очередь подошла. Столы комиссии, как на банкете, расставлены буквой «П», а посередине – стул для испытуемого. За столами человек пятнадцать представителей учебного синода, в том числе и мои экзаменаторы. Очевидно, главный в комиссии начинает задавать вопросы.

– Вот мы видим, что с физикой у вас все хорошо. Есть помарки, но они не важные. А что случилось с математикой? Может быть, вы волновались? Хотя, судя по “посланию”, не похоже, – и «главный» широко улыбнулся.

– Да нет, я не волновался, – достаточно глупо ответил я.

– А как вы думаете, если бы вам снова пришлось писать работу, вы бы ее написали?

– Не знаю, – тупо отвечаю я, несмотря на фактическую подсказку, хотя полностью уверен, что без труда написал бы любую работу. Уровень требований я уже знал.

– Возможно, вы хотите пересдать какой-нибудь экзамен, или даже все... Тогда вы можете это сделать прямо здесь, вон ребята готовятся, – уже в лоб подсказывает мне ответ «главный».

– Нет, не хочу, – все так же тупо отвечаю я. Ведь я так и не пришел к решению, хочу ли я здесь учиться, а любое сомнение трактовалось мною в пользу «не хочу».

– Ну что ж, идите, – пожимает плечами «главный».

После собеседования результат моей попытки поступления был predetermined, хотя и до него тоже.

Но 30 июля я все же поехал в институт посмотреть вывешенные списки.

Надеялся ли я на что-нибудь?

Нет. Просто хотел получить справку об оценках полученных на экзаменах. Может пригодится.

МАИ

Репетиция закончилась. Теперь уже надо серьезно думать, куда поступать. Конечно, у меня был запасной вариант – вечерний металлургический институт, куда детей работников Гипромеза зачисляли без экзаменов. Однако к металлургии у меня не было никакой склонности, к тому же вечерний институт не давал отсрочки от призыва в ряды вооруженных сил СССР. Так что этот вариант я посчитал запасным.

Снова перебрав институты, которые выбрали мои друзья, я понял, что ни в один поступать не хочу.

Отец, окончивший в свое время Институт редких металлов и золота, предложил заглянуть в Горный.

– Может, посмотришь? Вдруг тебе понравится? – Без особой надежды на пробуждение во мне интереса к горному делу порекомендовал отец.

«Маловероятно», – подумал я, но пошел навстречу и мы вместе поехали в Горный институт. Я понимал, что для отца это очень важно, ведь именно в это здание он входил, когда перед войной поступал в Институт редких металлов и золота.

Вошли в приемную комиссию. Я сразу объяснил, что поступал в Физтех и у меня есть справка об оценках.

– Покажите ваши оценки, – сказал мне серьезный мужчина, и я показал свою справку с результатами экзаменов.

– По этой справке мы можем зачислить вас без экзаменов, – доброжелательно отреагировал серьезный мужчина.

«Это уже хорошо, – подумал я. – Еще один запасной вариант не повредит. Выходит, не зря я “репетировал”». Но в ответ сказал, что подумую.

– Если надумаете, можете придти к нам до 25 августа, – так же доброжелательно добавил мужчина.

Отца эта информация несколько успокоила.

– Куда теперь? – спросил он.

На время моих вступительных экзаменов отец, по просьбе мамы, взял отпуск, – видимо, чтобы поддержать сына в столь ответственный момент. Мне это не мешало. Родители меня “не накручивали” и армией не пугали. Да и сам я армии не боялся, хотя заранее сообщил родителям, что буду поступать в институт.

– Если поступлю – хорошо, нет – тоже ничего страшного. Поступлю в следующий раз.

Когда родители узнали, что в “Горный” мне поступление обеспечено, то и вовсе перестали волноваться.

Текущим оставался один вариант – МАИ.

Поехали подавать документы в приемную комиссию вместе с отцом, – как оказалось, не зря.

Я забыл дома приложение к аттестату или еще какую-то справку, и отцу пришлось съездить домой и привезти, пока я что-то оформлял. Это был последний день подачи документов.

Наконец документы на поступление оформлены и начинается пора приемных экзаменов.

Это уже не Физтех. На подготовку к каждому экзамену отводится четыре-пять дней, и только один поток. Набор экзаменов похожий, но физика только устная. Зато есть экзамен по химии. С химией я не дружу, но, слава Богу, она не профильная и в зачет проходных баллов не идет.

После подачи документов я узнал от своих приятелей, что конкурс на выбранный нами факультет систем автоматического управления летательными аппаратами составляет 2,7 человека на место. При таком конкурсе для зачисления достаточно набрать 13 баллов из 15. Вроде, не страшно...

В Физтехе по известным причинам никакого волнения не было и в помине, но здесь – совсем другое дело. Я решил готовиться к экзаменам.

Взяв учебник математики Кочетковых, стал его старательно пролистывать. Но лучше бы я этого не делал! То и дело я наткался на темы, которые совершенно не помнил. Борис Иванович вел нас по системному пути освоения математики, то есть по основным взаимосвязанным темам и понятиям. «Остальные мелкие темы – говорил он нам, – или вы сами освоите, или разберем их на примере задач, которые будем решать в 10-м классе». Но в 10-м классе его с нами уже не было.

Во мне стало зарождаться некоторое волнение, уверенности поубавилось.

А что если какая-нибудь из этих тем попадет на экзамене?

Первый экзамен, по традиции, «математика письменная». В МАИ на этот экзамен отводилось уже не пять, а только три часа. Совершенно не помню, какие были задачи. В отпущенное время я уложился, более того, оставался еще целый час. Однако проверить работу я поленился, за что был наказан четверкой: после извлечения кубического корня из 125 у меня получилось 7. Да если бы я перед тем как сдавать, хотя бы бегло просмотрел свою работу, то наверняка сразу бы увидел свою ошибку. Но нет, поленился.

Надо сказать, что в МАИ письменные работы проверяли не те же экзаменаторы, что принимали устный экзамен, и эту мою случайную опisku, к сожалению, было обсудить не с кем. Все. «Четыре» – значит, «четыре».

На устном экзамене меня ждала очередная «засада». Кажется, по билету я все ответил, но тут экзаменатор дает дополнительную задачу на построение графиков, после чего поворачивается к другому абитуриенту.

Я строю график функции, не задумываясь отмечаю особые точки. И тут меня охватывает сомнение: «Да я все не так делаю!» Начинаю что-то выдумывать, дополняю условия задания

какими-то экзотическими требованиями, накладываю ограничения и вместо простого учебного графика сооружаю черт знает что.

Экзаменатор, хорошая доброжелательная женщина, поворачивается ко мне и спокойно спрашивает:

– Ну что, построили?

Увидев мои листки она удивленно восклицает:

– Что это вы здесь накрутили? Вот же у вас все правильно построено! – глядя уже на то что было написано и нарисовано в начале, говорит она. – Что вы потом стали выдумывать?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.